

Елена Бесценная

Теоретические и практические вопросы усвоения современной русской юридической терминологии

Studia Rossica Posnaniensia 31, 205-211

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УСВОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY AQUISITION

ЕЛЕНА БЕСЦЕННАЯ

ABSTRACT. The author has revealed the specifics of the legal term, which consists in its connection with a certain national legal system. When solving theoretical and practical problems of mastering the modern Russian terminology of jurisprudence, it was suggested that one should take into account both the intra-systemic language links and the specifics of the legal term as a special language sign. As an example, the author reviewed a group of terms that are difficult for students learning Russian as a foreign language (including synonyms, homonyms, paronyms and foreign borrowings).

Елена Бесценная, Академия полиции Латвии, Рига, Латвия.

Тесные и сложные взаимоотношения языка и права, значимость применения языка и лингвистических знаний в юридической деятельности позволяют отнести изучение юридической терминологии к числу актуальных междисциплинарных исследований. Юридические термины могут изучаться лингвистически – с точки зрения языковой формы, как часть лексики общелитературного языка, что позволяет выявить внутрисистемные (парадигматические, синтагматические, деривационные) связи, установить языковые закономерности организации терминосистемы, описать семантические процессы, характерные для её функционирования и развития. В то же время юридические термины являются знаками специального языка, составляют систему терминов данной отрасли науки и практики; особенности юридической терминосистемы обусловлены спецификой обозначаемых юридических понятий (правовых институтов, правовых норм, категорий, процедур), историей их возникновения и развития, существующим уровнем юридических знаний. Прежде чем обратиться к практическим проблемам описания современной русской юридической терминологии в целях оптимизации ее усвоения при обучении языку и переводу, представляется целесообразным определить данное понятие, отметить экстралингвистические факторы, влияющие на развитие современной русской юридической терминологии, а также выявить некоторые специфические особенности юридического термина.

В понятие „современной русской юридической терминологии” мы включаем всю совокупность терминов, применяемых в настоящее время в законодательстве Российской Федерации, в современной российской юридической науке, независимо от их источника (русского или иноязычного происхождения) и времени заимствования. Обратим внимание на разграничение терминологии законодательной практики РФ и терминологии современной российской юридической науки. Эти терминосистемы совпадают не полностью: существуют термины, вошедшие в научный обиход, но не применяемые в российском законодательстве (напр., *деликт*, *делинквент*, *диффамация*, *пробация*, *медиация*, *пенализация*). Представляется, что граница эта достаточно подвижна, и термин, применяемый в международно-правовой практике, в зарубежном законодательстве многих стран, может закрепиться и в современном российском законодательстве. От юридических терминов следует отличать слова, которые встречаются в юридической публицистике (напр., *киллер*, *рэкет*, *хакер*, *киднеппинг*, *криминальные структуры*, *казачье убийство* и под.). Современную русскую юридическую терминологию мы рассматриваем также как систему, включающую подсистемы – терминологии различных отраслей права (напр., уголовного, административного, конституционного, международного, европейского, сравнительного права и многих других, в том числе, новых, находящихся в процессе становления: международное уголовное право, конкурсное право, диффамационное право).

Специфические, инновационные явления в современной русской юридической терминологии во многом обусловлены объективными, динамичными процессами изменяющегося мира, охватывающими все сферы жизни – социально-экономическую, политическую, систему правового регулирования, сферы науки и образования, в числе которых следует отметить:

1) Становление новой правовой системы РФ. Трансформация социалистического права, начавшаяся в середине 80-х годов XX века как следствие развития социально-экономических и политических реформ в Советском Союзе, приводит к тому, что в период с 1991 по 1996 год в странах постсоветского пространства и Восточной Европы осуществляется отход от принципов социалистической правовой системы и возвращение к общим принципам континентальной системы права. Бывшие социалистические государства развивают новые правовые отношения, разрабатывают свое законодательство, формируют новые национальные правовые системы. Естественно, что создание нового законодательства нуждается в разработке юридических механизмов, правовых институтов (правовых норм, понятий, категорий, процедур), ранее российскому праву не известных. Многие из них восприняты из правовых систем зарубежных стран, международного права.

2) Унификация правовых систем разных стран, проявляющаяся, например, в заимствовании правовых институтов, с помощью которых происходит правовое регулирование новых экономических отношений.

3) Возрастание роли норм международного права в национальных правовых системах; для стран Европы особое значение приобретает европейское право (право Европейского Союза).

4) Активное развитие современной российской и зарубежной правовой науки, новых ее отраслей, научных направлений, категориального аппарата, понятийной системы.

5) Транснационализация юридического образования, диктуемая потребностью правовой унификации в Европе и требующая актуализации таких научных и учебных дисциплин, как сравнительное право, международное право, европейское право.

Таким образом, динамичное развитие законотворческих процессов в РФ, процессы правовой интеграции в мире и в Европе, развитие юридической науки являются факторами интенсивного развития современной русской юридической терминологии, ежегодно пополняющейся десятками новых иноязычных терминов, заимствованных из зарубежного, международного, европейского права в результате восприятия обозначаемых ими правовых реалий (напр., *импичмент, омбудсман, экстрадиция, легализация*). Однако было бы ошибочно сводить специфику современной русской юридической терминологии и проблемы её усвоения лишь к иноязычным заимствованиям последних десятилетий. Становление новой российской правовой системы, создание новых правовых норм, институтов органически связано с сохранением и возрождением прежних, оправдавших себя и способных эффективно действовать в новых условиях. Сохраняется основное устоявшееся терминологическое ядро, включающее термины как исконно русского, так и иноязычного происхождения (*деяние, вменение, вид на жительство, государство, конституция, идентификация, очная ставка, явка с повинной, понятый, уголовная ответственность*), возрождаются с восстановлением в российском праве соответствующих институтов ранее вышедшие из употребления термины (*суд присяжных, присяжные заседатели, мировой судья, судебный пристав, диффамация*), новые термины для обозначения новых правовых реалий создаются средствами русского языка (*Уполномоченный по правам человека, отрешение от должности Президента РФ, причинение смерти по неосторожности, воспрепятствование осуществлению избирательных прав, деятельное раскаяние, убийство по найму; выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления*); известны случаи отказа от ранее употребительных терминов (так, УК РФ 1996 г. исключил понятие *особо опасный рецидивист*). Наконец, требуют объяснения результаты взаимодействия указанных процессов, например, конкуренции заимствованных иноязычных терминов и терминов, созданных средствами русского языка (напр., *мэр, губернатор* или *глава администрации? импичмент* или *отрешение от должности? экстрадиция* или *выдача преступника?*). Сказанное позволяет сделать вывод о сложности, многообразии, интенсивном развитии русской юридической терминологии.

Восприятие и усвоение юридической терминологии связано со спецификой юридического термина как знака специального – юридического – языка. Юристы, уделяющие в последние годы все больше внимания проблеме взаимосвязи языка и права, указывают на отличительную особенность юридической терминологии по сравнению с терминосистемами других отраслей науки и практики – обособленность и самостоятельность юридической терминологии национальной правовой системы¹. Это означает, что юристы рассматривают термин прежде всего с точки зрения его принадлежности к определённой национальной законодательной системе. Учитывается также применение термина в той или иной правовой системе, в зарубежном, международном законодательстве. В случае конкуренции терминов для юристов критерием правомерности употребления термина в национальном законодательстве может служить его закреплённость в международном, европейском праве².

Практика обучения студентов юридической терминологии подтверждает неизбежность восприятия учащимися юридической терминологии изучаемого языка (русского) через призму национальной правовой системы своей страны (в нашем случае – Латвийской Республики) и ее юридического языка – современной латышской юридической терминологии. Встречая незнакомый термин, обозначающий некую правовую реалию (правовой институт, правовую норму, категорию, понятие, процедуру), студенты в меру своей профессиональной компетенции пытаются установить наличие/отсутствие аналога, степень его сходства/различия в правовой системе Латвии. Так, встретив в тексте термин *понятой*, студенты отмечают, что институт *понятых* в уголовно-процессуальном законодательстве Латвии с ноября 2002 г. упразднен. При наличии аналогичной правовой реалии выясняется юридическое содержание понятия, определяется основание и степень сходства, подобия данных правовых реалий в правовых системах обеих стран и подбирается терминологический эквивалент. Вопрос, которым задаются студенты, встретив новый термин (например, „*Пробация* – то же самое, что *условное осуждение*?”), свидетельствует о попытке установить сходство правовых институтов различных правовых систем. Учитывая, что в последние десятилетия национальная правовая система Латвии переживает процессы становления и развития, аналогичные отмеченным выше в отношении российского права, нетрудно предста-

¹ По мнению голландского компаративиста Г.-Р. де Гроте, „Каждое государство имеет свою – в принципе полностью автономную – юридическую терминологию”. См.: Г.-Р. де Гроте, *Язык и право*, „Журнал российского права” 2002, № 7, с. 146.

² Нередко данный критерий, вопреки правилам законодательной стилистики, превалирует над критерием стилистической нейтральности термина. Так, из двух конкурирующих терминов – *отмывание* и *легализация* (денежных средств) юристы отдают предпочтение термину *отмывание* на том основании, что он употребляется во всех международно-правовых документах. В то же время оба термина употребляются в юридической учебной и научной литературе, зафиксированы в современных юридических словарях.

вить всю сложность сопоставления юридической терминологии двух (и более, если учитывать процессы интеграции и заимствования) различных правовых систем.

При решении прикладных проблем усвоения современной русской юридической терминологии следует учитывать как языковые внутрисистемные связи, так и специфику юридического термина как знака специального языка. Рассмотрим в подтверждение данного положения некоторые группы терминов, усвоение которых вызывает у студентов трудности.

1. Термины лексико-семантического образования. Это термины, образованные путем обозначения специальных – юридических – понятий названиями общеупотребительных понятий, например: *государство, вина, неосторожность, наказание*. Юридические термины, омонимичные общеупотребительным словам, имеют специфическое правовое содержание, отличающееся от общеупотребительного. Так, словари общелитературного языка толкуют значение слова *вина* как „проступок, преступление”, в то время как словари юридических терминов определяют понятие вины как „психическое отношение лица к своему противоправному деянию (действию или бездействию) и его последствиям”³ и предлагают конкретизацию понятия в различных отраслях права – в уголовном, гражданском, международном праве. Проблемы усвоения подобных терминов, многие из которых обозначают фундаментальные правовые категории (так, по подсчетам исследователей, понятию „цели наказания” посвящены 24 философские и более 100 юридических концепций⁴), связаны прежде всего с раскрытием сложного, развивающегося понятийного содержания термина, что является прерогативой преподавателя-предметника. Задача преподавателя-русиста состоит в том, чтобы обратить внимание студентов на данный способ образования юридических терминов, указать на развитие специфического правового содержания у терминов, омонимичных общеупотребительным словам. Сказанное относится и к терминологическим словосочетаниям, образованным способом семантической специализации общеупотребительных слов (напр., *раскаяние – деятельное раскаяние, фикция – юридическая фикция*); в противном случае у студентов могут возникнуть затруднения с пониманием термина: так, термин *деятельное раскаяние* студенты нередко понимают как ‘активное, энергичное сожаление о совершенном, сознание своей вины’, в то время как юридическое содержание термина можно определить как конкретные послепреступные действия лица, совершившего преступление, направленные на предотвращение вредных последствий, возмещение причиненного ущерба, в том числе: явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других со-

³ *Большой юридический словарь*, под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, Москва 2002, с. 87.

⁴ *Курс уголовного права. Общая часть*, т. 2, *Учение о наказании. Учебник для вузов*, под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой, Москва 1999, с. 13.

участников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления. „При этом вовсе не требуется, чтобы лицо раскаялось в содеянном и желало искупить свою вину: его положительное послепреступное поведение может быть продиктовано стремлением избежать ответственности, обеспечить освобождение от наказания или его смягчение...”⁵.

Сложности в усвоении термина могут возникнуть и в том случае, если из нескольких значений полисемичного слова студентам хорошо известно одно, употребительное в общелитературном языке, значение, а в юридическом термине актуализируется иное, не знакомое студентам значение: например, *институт брака, институт назначения наказания (институт в значении ‘совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений’)*.

2. Синонимия терминов. Принято считать, что явление синонимии возможно в терминологии как составной части лексической системы языка, если два термина обозначают одно и то же понятие (*латентная преступность – скрытая преступность, послепреступное поведение – посткриминальное поведение*). Обычно явление синонимии в терминологии связывают с заимствованием слов из других языков, что приводит к конкуренции исконных и заимствованных терминов. Возможно ли считать терминологическими синонимами термины, принадлежащие различным правовым системам, например, *импичмент – отрешение от должности Президента РФ, омбудсман – Уполномоченный по правам человека, экстрадиция – выдача преступника* (точнее, *выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления*)? Принимая во внимание специфическую особенность юридического термина – его связь с определенной правовой системой (национальной, международной) и, следовательно, соответствие термина определенному юридическому понятию именно данной правовой системы, термины различных правовых систем не могут быть признаны синонимами, так как соотносятся не с одним и тем же понятием, а с понятиями различных правовых систем – аналогичными, но не тождественными. В современных юридических словарях и юридических энциклопедиях предпринимаются попытки выявить наличие/отсутствие аналога того или иного правового института, правовой нормы, понятия в различных правовых системах и указать сферу употребления термина. К сожалению, подобная информация приводится непоследовательно, поэтому представляется целесообразной разработка совместными усилиями специалистов в области права и лингвистов практических словарей по различным отраслям права, отдельным правовым дисциплинам, отражающих результаты сравнительно-правовых исследований двух или более правовых систем, включая национальную правовую систему страны, в которой будет осуществляться в будущем профессиональная деятельность студентов. Разработка пособий такого типа способствовала бы более точной семантизации юридической терминологии и лучшему ее усвоению.

⁵ *Словарь по уголовному праву*, ред. А.В. Наумов, Москва 1997, с. 81 и след.

3. Паронимия в терминологии также требует особого внимания. В паронимические отношения могут вступать как термины (*наказание – наказуемость, действие – деяние*), так и термины и нетермины (*задержание – задержка, проступок – поступок*). В употреблении паронимов часто встречаются ошибки, например, **смертельная казнь, *мирской судья (мировой судья), *оружие преступления (орудие преступления), *особые предметы (особые приметы)*. Избежать подобных ошибок поможет традиционная система лексических упражнений, однако и здесь в некоторых случаях неизбежно обращение к специфическому правовому содержанию терминов (например, таких, как *наказание* и *наказуемость*, обозначающих важнейшие правовые категории).

В данном сообщении мы ставили задачу привлечь внимание к сложному взаимодействию языковых и специфических факторов, влияющих на усвоение современной русской юридической терминологии. Всестороннее научное описание современной русской юридической терминологии в целях оптимизации ее усвоения должно быть продолжено.